

РАССТРЕЛ БАТАЛЬОНА.

НАС ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ЧЕТВЕРО

С болью в сердце и душе вспоминаются те далекие, но для нас, ветеранов, как вчерашние боевые действия. Умалчивать нет совести. Расскажу, как все было, может не так художественно, но пусть судья-читатель строго меня не судит...

Начало февраля 1943 года 7-ая гвардейская стрелковая дивизия, прорвав оборону фашистских войск, несколько суток вела наступательные бои. Бои не только по изгнанию немецких оккупантов с нашей земли, но по отвлечению на себя вражеских войск, предназначенных для взятия Ленинграда.

Отступая, враг цеплялся за каждый метр нашей земли, оказывал ожесточенное сопротивление, разрушал и предавал огню-пожарищу наши города и села, промышленные и другие предприятия, уничтожал культурные уникальные ценности, расстреливал, вешал, угонял в рабство наших людей, не считаясь с возрастом.

Наш 3-ий, батальон 20-го гвардейского стрелкового полка 7-й дивизии развивая наступление, продвинулся гораздо дальше других батальонов. И это повлекло за собой серьезные последствия. Вечерело. Бойцы, уставшие и голодные, дойдя до соснового бора, где хотели провести ночь, падали на землю, чтобы отдохнуть. В предыдущих боях батальон понес значительные потери. Тяжело ранен комбат гвардии капитан Матюшенков, погибла рота минометчиков, погиб взвод ПТР. Командование батальоном взял на себя начальник штаба батальона, гвардии капитан Кононенко, который был далек от строевой службы. Из пяти офицеров, оставшихся в живых, только один гвардии лейтенант Костин оказался строевым.

Как всегда бывает в боевых условиях фронта, следом за батальоном прибыл в сосновый бор сам «батя», командир 20-го полка гвардии полковник Осатчин. Не успели бойцы перекурить, как полковник дал команду:

-Капитан Кононенко, мне разведчики полка доложили, что в деревне Быково нет немцев, вам следует немедленно ее занять, и там вы отдохнете. За сосновым бором раскинулась поименная равнина, за которой виднелся обрывистый берег, а за ним деревня. Батальон колонной подошел к противоположному берегу, полковник пожелал успехов и ускакал обратно.

Подходя к деревне, никто из офицеров и даже из «старичков» батальона не обратил внимания на такую «мелочь», что в это вечернее время в домах зажигаются огни, топятся печи, убирается скотина, по улицам бывают хождения хозяек, бегающих к соседке за какой-нибудь необходимостью. Но здесь этого не происходило: стояла мертвая предательская тишина и вокруг пустота. Из вечерней темноты все четче и четче вырисовывалась каланча пожарного депо, стоявшего на окраине деревни. Было настороженно тихо, как перед грозой.

Сумерки. В избах ни огня. Ни мычания, ни лая собак во дворах, ни души человеческой на улицах. В окружении нас, в природе чувствуется какая-то напряженная пустота, звенящая комариным писком в ушах, тишина. В одно мгновение рушится покой раскатом грома и блеском огненной молнии.

-У-ух, - выдохнула природа, и тут же следом затявкали длинными очередями пулеметы и автоматы. Батальон остановился в каком-то недоумении и, поняв смертельную опасность, взревел криками, стонами, проклятиями, стрельбой, командами: - Ложи-ись!!! - кричали офицеры. - Огонь!!! - вторили голоса. - За мной! - орал Костин, командир взвода автоматчиков.

Кто-то из бойцов выполнял команды, бросался на землю, другие, уже смертельно раненные, падали, прося помощи. Шла паническая неразбериха, слышались проклятия, мат, нецензурщина, стрельба в никуда, каждый в подобных ситуациях непроизвольно делал то, что мог и что не мог, в округленных глазах стояли страх, ужас, боль. Большинство бойцов из батальона, ища спасительного укрытия, врассыпную бежало назад под берег. Раненые пытались кричать, звать о помощи, пытались следом, за убежавшими ползти... Но враги вели огонь по лежащим на земле телам.

Костин с бойцами, оставшимися в живых, бросился влево за изгороди и дворовые пристройки. За первым же углом они услышали над головами пулеметные очереди. Колька Шкляр крикнул: - Там

фашисты, - и дал очередь из ППШ. С крыши закричали: - Сталин гут, Гитлер капут. С конюшни спустились два немца: один - офицер-лейтенант, другой - рядовой, с ручным пулеметом в руках.

- А, скоты, чума коричневая, вафэн взк! - вскрикнул Садыков и кулаком вмазал в холеное лицо офицера.

- Сашка, остановись! - крикнул Костин. Но Садыков продолжал возмущаться:

- Эту сволочь кулаком не прошибешь. Гады поганые! Автоматчики рассмеялись.

- Обыскать господ третьего Рейха, - приказал Костин.

- Ханди - хох, - крикнул Садыков, подходя к немцам. Те взмахнули руки над головами, повторяя:

- Фюрер, фюрер капут.

- Я те дам, фриц поганый, капут, гут, - рыкнул Садыков, - а ну выкладывай все из карманов.

Немцы сразу поняли русский язык и начали выкладывать содержимое карманов.

- О, умницы, зер гут, - улыбался Сашка, подходя к офицеру и изымая пистолет, парабеллум, передав его лейтенанту гвардии Костину.

- Пригодится, - проговорил Костин, пряча пистолет за пазуху фуфайки.

- В штаб обоих, - приказал взводный.

Во дворе дома послышалась немецкая речь. Рядовой Евстигнеев через крышу метнул туда лимонку. Раздался взрыв. Три трупа лежали на земле.

- Командиры отделений, ко мне, - проговорил Костин.

- Слушаем, мой фю... - смеясь, буркнул Садыков, нажимая на «фю», что означало бы «фюрер».

Костин тут же показал ему кулак.

- Слушайте приказ: ты, Саша, с отделением жми по той стороне улицы, а ты, Николай, по этой. Ясно? Вопросы есть? Нет, давай!

- За мной! - крикнул Садыков своим парням, и они скрылись за углом. Николай Шкляр со своими бойцами - в соседний дом. Сам Костин со своим ординарцем - во двор дома и в сам дом. В красном углу сидела женщина неопределенного возраста в черном одеянии.

- Мать, - обратился Костин к ней, - немцы есть?

- Нету, родимые, нету, - ответила она. Костин поинтересовался:

- Мамаша, скажите, пожалуйста, почему в Вашей деревне нет ни людей, ни живности и даже собак?

И она поведала им страшную историю о том, что немцы все молодое население деревни угнали в Германию, в рабство. Подозреваемых в невыполнении их приказов - расстреливали и вешали, а все другое население вместе со скотом ушло в леса, болота. «А наши полицаи - оборотни, чё делали, чё делали! Нелюди, изверги, хуже фашистов, грабили нашего брата, пировали, с девками озорничали, о, чё тут было...», - говорила бабуся. Костин поблагодарил женщину и они вместе с Руфовым, выходя из избы, услышали слова: - Храни Вас, Господи.

Во дворе Руфов что-то замешкался, а Костин, выскочив из двора, нос в нос встретился со своими офицерами Порташовым и Костюк.

- О, ребята, айда со мной, - и Костин тут же перемахнул через штакетник, который огораживал небольшое помещение в виде бани или часовни, стоявшее посреди улицы. Следом за ним последовали молодые офицеры. Руфов отстал.

Вбежав в помещение, Костин тут же прикладом выбил окно и устроился для ведения огня.

- В общем, так, я веду огонь, а Вы мне подаете заполненные патронами магазины, договорились?

На фоне горящих домов в той стороне деревни немцы вырисовывались хорошо.

При замене очередного магазина сзади него оказалась пустота. Его «друзья» предательски покинули, не сказав ни слова. Костину ничего не оставалось, как самому сделать то же самое. Не имея ни патронов, ни гранат и потеряв ординарца, один в темноте ночи, с фашистским парабеллумом, он первоначально растерялся. Выскочив из помещения, они увидели бегущие фигуры, все в белых халатах, кто они. Он не знал...

Кругом трещали автоматы, сзади раздавались взрывы гранат, слышались непонятные крики, команды и черт знает что: все движется, торопится, шумит.

Немцы проявили тактическую осторожность, дальше спуска вниз оврага не пошли, вернулись в деревню.

Костин сидел на ветвях какого-то кустарника, одну за другой крутил «козьи ножки» и смолил махорку, обдумывая все происшедшее с ним и с батальоном. Сидел один как перст, думая, где же его хлопцы, а где-то в мозговых кулуарах теплилась надежда, что они целы и невредимы,

дай-то Бог.

Овраг представлял собой форму, только с открытыми торцами. Одним концом упирался в безымянную речку, другим - перпендикулярно уходил в поля. Его пространство в зарослях кустарниковых деревьев, которые завалены глубоким снегом. Посередине оврага тянулась вверх санная дорога, на выезде которой, стоял сарай. Здесь не было окопов, землянок. Но здесь в овраге нашли себе пристанище наши бойцы, оставшиеся в живых от расстрела: раненые сюда шли и ползли, кому нужна была медицинская помощь. Но здесь не было, ни одного медицинского работника, отсутствовал перевязочный материал. Индивидуальные медицинские пакеты при каждом бойце все израсходованы на других. Пользовались подручным материалом, народными средствами: вместо бинтов рвали нижнее белье, вместо йода использовали свою живую воду, вместо шин - сучья деревьев и т.д. В снежных окопах охали, стонали, просили помощи, слышался мат. Те раненые, которые могли идти самостоятельно или с поддержкой товарищей, отправлялись пешим порядком в сосновый бор, в санчасть полка.

Чадя «козью ножку», Костин то и дело клевал носом, предыдущие бессонные ночи давали о себе знать. Не успел он закрыть глаза, как перед ним появились комбат Кононенко и с ним Рожков - бывший командир минометной роты, которую разбомбили фашистские «Юнкерсы-88», и, пряча глаза. Петрашов с Костюком. Они расселись прямо на снегу возле комбата и тут же молча, закурили. От запаха табачного дыма некоторые бойцы и раненые зашевелились, застонали, опухнуло-повеяло чем-то родным, вроде домом.

Комбат оглядел овраг и произнес:- Не густо, братцы-кролики, не густо. - Чего хмур, лейтенант? - спросил комбат Костина.

И он рассказал ему, как приказал наступать ребятам взвода, и как чуть было не загремел под фанфары из-за своих же офицеров. А потом он бежал в гуще немцев к оврагу.

Кононенко выслушал и предложил оставить это дело до конца войны. А сейчас нужно организовать охрану лазарета и еще помочь в выносе раненых с побоища. Костин мотнул головой в знак согласия. Он понял: у комбата нет доверия к офицерам без войск. На душе стало как-то светлее и в то же время тревожно.

Немецко-фашистские молодчики, находившиеся в деревне, всю ночь пуляли вверх ракеты, освещая местность. Замечая малейшее движение на ней, открывали огонь, добывая наших, тяжелораненых, и тех, кто пытался вытащить их из-под огня. Все, кто оказывал помощь в выносе раненых, к утру так умаялись, что, не успев приземлиться или прислониться к дереву, тут же засыпали. Гвардии полковник Осадчий, командир 20-го гвардейского полка 7-й гвардейской стрелковой дивизии, высокий, располневший, в годах человек. Его внушительная фигура да плюс басовитый голос придавали ему вид вполне порядочного и воспитанного офицера высокого класса. В эту ночь ему не спалось, мучила бессонница, боль в голове и тяжесть в груди. Перед его глазами стояли молчаливые бойцы 3-го батальона, направленные вчера в деревню Быково. Ему хотелось позвонить в батальон и поинтересоваться об их благополучии и расквартировании. Но связи с батальоном нет, как всегда при наступлениях она отсутствует. При штабе телефон работал. Он позвонил начальнику караула и поинтересовался, нет ли каких новостей.

Карнач ответил:

- Есть! Товарищ полковник непонятно: боевых действий у нас нигде нет, а раненые поступают в санитарную роту.

- Раненые? - и трубка тут же затихла. Полковник понял, что с батальоном что-то случилось. Он хотел тотчас выехать, но его удержала значимость его положения.

Ранним утром следующего дня он совместно со своим адъютантом верхом на конях, уже был под берегом у деревни. Через утреннюю изморозь они увидели бойцов, лежащих прямо на снегу, многие из них были с забинтованными головами, конечностями, слышались стоны.

- Что за люди? Есть тут, кто из офицеров? - басил полковник.

Кто-то из раненых предложил им подняться на берег и посмотреть свою работу. Полковник смолчал, проглатывая горькую пилюлю. Он вчера еще доложил генералу Москаленко, что деревня взята. А оно вон как получилось. Для исправления положения ему необходимо было принять срочные меры по взятию деревни Быково,

К нему подбежал комбат Кононенко и произнес:

- Товарищ гвардии... Полковник - Осадчий; прервал его доклад своим басом:

- Вы не гвардейцы, а засранцы, увидев немцев, напустили в штаны. Я спрашиваю, почему сдали деревню?

- Товарищ полковник, - начал было говорить комбат, но тут, же был посрамлен:
- Вояки хреновы, приказываю взять деревню, понимаете: ВЗЯТЬ!!! - Он махнул рукой, лицо побагровело. Не сказав больше ни слова, дернул за повод лошадь, которая, присев на задние ноги, рванула вперед.

Комбат Кононенко стоял в недоумении, раздумывая, какая муха укусила полковника, ведь он не сказал, каким образом взять деревню, если в батальоне осталось хрен да маленько ничего. Полтора десятка бойцов без артподготовки не сделают погоды. «Задача тебе, товарищ комбат, думай, здесь не бумажки писать, а дело делать надо».

Возле комбата Кононенко, стоявшего вблизи лазарета, собирались все офицеры, оставшиеся в живых. Приказ «бати» нужно было выполнять. Мешкать некогда. Обговаривались различные варианты о взятии этой неладной деревушки, и все безрезультатно. Предложил свой вариант и Костин: он был прост и, пожалуй, приемлем. Сдерживало только одно - согласие экипажа танка Т-34, который стоял недалеко на подступах деревни. Договориться с экипажем танка поручили инициатору этого варианта. И Костин с ними договорился о том, что они организуют шумовую процессию двигателем на весь мир и стрельбу из всех видов вооружения танка.

Весть о том, чтобы применить шумовую атаку, воодушевила офицеров батальона. Комбат выстроил весь личный состав батальона у лазарета, пояснил им задачу и попросил бойцов при атаке создать как можно больше шума-гама.

Кто-то из бойцов проговорил:

-Все ясно, товарищ капитан, только вот завтрак капут.

-Верно, верно, друзья мои, капут, если наши тылы застряли где-то, - признался капитан, - а теперь перед дальней дорогой закуривай курячи, а кто не курит... - он не досказал, вокруг уже все смеялись.

-И поседеть треба, - произнес кто-то. В общем, настроение у бойцов было вполне боевое, наступательное.

-Приготовиться! - подал команду комбат и тут же пояснил: - Вы, Костин, жмите первыми со своими хлопцами, остальные следом и шуму больше, шуму.

-Ясно, товарищ гвардии капитан! Комбат Кононенко махнул рукой, как судья на старте, и крикнул:

-В атаку, вперед! За Родину! За Сталина!

И пошло, Костин со своими шестью бойцами и Рыжовым, бывшим командиром минометной роты, пристроившись к автоматчикам, бежали первыми, вдоль речки сначала молча, а затем, уже находясь против деревни, с боевым кличем «Ура!» стреляли в сторону деревни. Немцы не ожидали подобного натиска от бойцов расстрелянного батальона. Немцы еще утром кричали: «Русиш, Ифан капут», В ответ видели поднятую руку, сжатым кулаком по локоть: «Во-о, хочешь, фриц проклятый, швах».

Подобные перебранки или сердечный разговор на переднем крае войны - обычное дело.

А сейчас немцы, увидев советских солдат, бегущих как бы в обход их, с криками и стрельбой, открыли пулеметный огонь, интенсивный, заградительный, им вторили автоматы. Ранен Рыжов, пуля прошла по предплечью, разбив локтевой сустав. Он самостоятельно ушел в лазарет. Двое бойцов-автоматчиков остались невидимыми на снегу. Сквозь шум, гам и трескотню автоматов слышались крепкие русские словечки.

Больше половины деревни сгорело, разрушено. Но у пожарного депо над деревней господствовала каланча. У ее основания немцами был отрыт окоп. Здесь, на лобном месте, собрались все те, кто остался жив от расстрелянного батальона: это три офицера среднего звена, два сержанта и остальные рядовые. Всего 16 надежных ребят, а двоих младшего-лейтенанта Петрашова и Костюка считали как неполноценный резерв, их могли в любое время отозвать.

Слава Богу, что Колька Шкляр очухался, пришел в нормальное состояние. Плохо то, что, во-первых, нет командира над этой войсковой единицей, второе - личный состав уже вторые сутки без питания живут, как говорят солдаты на «бабушкином аттестате», кто, где что найдет пожевать, и третье, неоткуда взять боеприпасов, медикаментов и прочее.

Костина одолевала тревога за деревню, за этих ребят. Немцы могут вернуться, а для предотвращения этого нужно срочно принимать меры. Костин нервничал, курил и думал. За ним давно наблюдал Колька Шкляр. Он тоже думал, что без хозяина они не должны быть. А братва травила анекдоты, рассказывала свои похождения среди милого пола. Все гоготали, ржали, как лошади. И тут же раздался Колькин голос:

- Тихо! Братва, нас здесь осталось совсем мало. Нам нужен комбат.

- Правильно, - отозвались бойцы, - надо комбата.

- Тихо! Вы что, сдурели, ядрена мать, рядом фрицы, - закричал Костин на шумевшую братву.

А Шкляр того и ждал, тут же заговорил:

- Вот мы и услышали командирский голос нашего комбата.

Все вокруг засмеялись, рукоплескали растерявшему комбату.

- Хватит! Замолкли! - произнес комбат. - За дело, хлопцы, нужно срочно занять оборону, немцы могут в любую минуту дать о себе знать. Николай, бери себе пять-шесть защитников Родины и марш на задворки правой стороны, тут местность открытая, опасная. А ты, Сашок, иди с остальными в торец деревни.

- Ну, с Богом, хлопцы, на рубежах стоять! - в заключение сказал Костин, - а это значит, стоять насмерть. Отделения ушли, остались Петрашов и Костюк, офицеры без войск.

- А вы, братцы-кролики, будете у нас в резерве.

Фронтальная ночь - это нечто загадочное, непредвиденные действия. В человеке просыпается инстинкт зверя, и он вслушивается в природу, проявляет предельную осторожность, обостряются обоняние и зрение. Вечерний обстрел деревни фашистами до сих пор осязаем, воздух до сих пор насыщен терпким запахом тротила, который, кажется, пропитал тебя до самых печенок. Ночь темная, за спинами бойцов светятся красные головешки: то вспыхнут огнем, который, попрыгав по полену или бревну, вновь прячется в красноту угля. Вдали за лесной опушкой то и дело поднимаются осветительные ракеты над немецко-фашистской обороной. Где-то видится зарево, то слышатся глухие разрывы фугасок. У нас гробовая тишина, за которой всегда стоит беда. Об этом знает солдат фронта. В этих случаях проявляются большая бдительность, осторожность. Бойцы спят поочередно. Вот уже ночь на исходе и вдруг крик:

- Не-емцы! Он исходил справа, где стоял Шкляр со своим отделением бойцов.

По заснеженному открытому полю двигались не спеша высоченные расплывчатые человеческие фигуры.

Шли во весь рост, молча. Комбат Костин со своим ординарцем заняли свои позиции, ранее обговоренные со Шкляром. Садыков, оставив свое отделение в торце деревни, со своим трофейным пулеметом был здесь же.

- Ребята, спокойно, не бойтесь, - Колька Шкляр поучал своих подчиненных,

- подпустим поближе, ишь, как идут трупики живые, еще ближе, приготовить гранаты, - он говорил не столько им, сколько себе в утешение сердцебиения,

- спокойно, гвардейцы, сыны Родины, внуки-правнучки суворовские.

С приближением немцев фигуры из гигантских превращались в обычные человеческие, во врагов. Они ускорили шаг, вот они что-то бормочут, кричат и бегут, трещат автоматы. Костин дал команду: «Огонь!» Контратака отбита. Но сколько еще придется их отбивать.

Подобного в нашей Советской армии не было, чтобы оказать на врага психическое воздействие. Так в июле 1941 года под городом Орша дали первый залп из «Катюши». Тогда фашисты закричали на весь мир, что мы неправильно воюем. Ну не оптимисты ли они, если сами против наших людей и людей других стран применяли печи: сжигали в концлагерях Бухенвальда, Освенцима, Майданека и во многих других.

Погода в этом гнилом углу не постоянна: то морозит, то крутит снег с дождем. И сегодня подул с Балтики «северок» с ледяшками, вроде как специально отточенными острыми краями, бьет по лицу до крови. Мы, Славяне, считали непогоду как бы своим другом. А сегодня она нам изменила. И ветер крутит прямо в лицо - холодно. Непогода войны не приостановит. Вон в небе днем и ночью ноет и ноет «рама» - проклятый немецкий сыщик: не спрячешься, пролетит - жди гостинцев.

Начинается рассвет, а солдату так хочется спать, глаза сами закрываются. Но уши улавливают очень знакомый звук, нарастающий, свистящий и следом - разрыв снаряда. Третье утро без завтрака, кто-то запасся печенками: это и есть завтрак, а может, и обед. Хуже всего, когда отсутствует курево.

Откуда ни возьмись, со стороны востока гул немецких пикировщиков-бомбардировщиков, и тут же один за другим валяются на крыло и несутся со смертельным грузом вниз к земле, издавая резкие свистящие, раздирающие душу и пространство звуки, от которых по спине не то что мурашки бегают, а хочется превратиться в мизерную букашку и спрятаться. Лежа на спине видишь, как отделяется маленькая черная капелька от брюха «Юнкерса» и, все,

увеличиваясь, летит на тебя, издавая дикий свист, вой. Ты переворачиваешься на живот, обхватываешь руками голову и ждешь своей участи. Если легла далеко от тебя, значит, ты живешь, а если... ты изрешечен ее осколками или воздушной волной отброшен на энное расстояние. Ты нем, беззвучен, из ушей ползет что-то теплое, темно-красное, ты отключен от мира. Лежа продолжительное время на земле, человеческий организм приходит в себя. Ты жив, но речь приходит намного позже.

- Та-ан-ки!

Из-за лесной опушки, поворота на деревню, лязгая гусеницами, ревя моторами, ползут два черных чудовища. Следом за ними - белые бегущие фигурки солдат. Передний танк уже подходит к деревне, второй - идет уступом сзади и останавливается перед ней, изрыгая огонь из орудий и пулемета. Белые фигурки солдат бегут, падают и, вскочив, вновь бегут, но некоторые остаются, на снегу не поднимаясь. Автоматчики Садыкова «стоят». Бой разгорается. Немцы своей численностью осаждают наших, часть ребят отходит в сторону Шкляра, другие остаются в торце деревни, за танками. У Шкляра завязывается бой, переходящий в рукопашную, автоматчики отбиваются прикладами, ножами. К немцам подбегает помощь, окружают Плечова, и раздается взрыв гранаты. Немецкий танк медленно приближается к тому фундаменту, за которым находятся Костин и Садыков. Вдруг он вспыхивает темно-красным пламенем, и черным дымом охватывает его лобовую часть и башню. Из люка башни выскакивают танкисты. Увидев их, Садыков открывает огонь из трофея. За стенкой фундамента разгорается огонь и горит спина у Садыкова. Он бросается к снежному сугробу.

Костин, видя, что им не сдержать натиск врага, схватив ракетницу, стал пулять ракеты вверх: «SOS! SOS! Спасите наши души!». Вздрогнула земля под ногами автоматчиков, закачалась, задрожала от взрывов артиллерийских снарядов советской артиллерии, и послышались жидкие голоса воинов: «Ура-а-а! Наши, робя, наши!» Немецкий горевший танк взорвался, подняв вверх огромный клуб черного дыма. Немецкие солдаты-автоматчики бежали с кострища деревни назад к танку, что стоял у деревни. Немцы отступили, оставив один танк и трупы своих солдат.

Солдаты сидели у стены фундамента и курили сигарки, а руки их дрожали.

- Немцы! - закричал Руфов, оглянувшись назад. Действительно, по пепелищу шли двое раненых фашистов, один другого поддерживая. Они знали душу русского солдата, его порядочность, доброту, когда он не в смертельном бою. Оба улыбались через боль ран.

- Русшь, зер гуд арбайтен, - они еще что-то говорили, но мы, профаны, не знали их языка. Они остановились, но Евстигнеев, посмотрев на лейтенанта, крикнул им:

-Шнель! Вон с русской земли, во-он!

Из батальона вернулось шесть воинов, двое из них ранеными: Садыков в ногу, Николай Шкляр - в грудь и голову - тяжелое ранение. А четверых: Костина, Руфова, Евстигнеева и Садыкова, который отказался от медсанбата и остался с ребятами, командир полка награбил так, что выполнил их желание - угостил мамиными блинами.

«Батальон» Костина сменила воинская часть, прибывшая из глубокого тыла страны.